

ГУМАНИЗМ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИЯ ГУМАНИЗМА

А.А. Овсянников

В статье рассматривается проблема развития культуры, социального капитала в процессе модернизации России как доктрины нового постиндустриального развития страны. На смену моделям количественного и ресурсоёмкого роста должны прийти модели качественного изменения социальной жизни, не связанные с объемами вовлекаемых в экономический оборот природных ресурсов и энергии. Человеческий капитал в этой доктрине является единственным безгранично воспроизводимым ресурсом, способным при его опредмечивании в социальных практиках принести инновационный пассионарный эффект.

Модернизация России как доктрина нового постиндустриального развития страны предполагает изменение модели и политики развития. На смену моделям количественного и ресурсоёмкого роста должны прийти модели качественного изменения социальной жизни, не связанные с объемами вовлекаемых в экономический оборот природных ресурсов и энергии. Природные материальные и энергетические ресурсы традиционного роста исчерпаны или близки к исчерпанию. Важнейших для сегодняшнего роста страны стратегических ресурсов нефти и газа хватит то ли на 20 лет (пессимисты), то ли на 50 лет (оптимисты).

Такая смена цивилизационных парадигм предполагает как минимум одно фундаментальное условие: новое качество модернизационного развития обусловлено приоритетным развитием культуры, человеческого (социального) капитала. Это условие никогда не выполнялось за всю историю России. Как дореволюционную, так и советскую. Не соблюдается и сегодня. Человеческий капитал в этой доктрине является единственным безгранично воспроизводимым ресурсом, способным при его опредмечивании в социальных практиках принести инновационный пассионарный эффект. Общепринято рассматривать социальный капитал как меру культурного развития. Культура здесь является средством формирования социального капитала и его производительных, энергетических качеств. Культура – это ведь и образцы повседневного общепринятого поведения в быту и на производстве, и традиции, и верования, и ценности, и идеологии, и произведения институциональной культуры (искусства, литература, наука), формирующие образ нации и страны. Культура как мера социального капитала – это и способность нации к производству новых образцов поведения в многообразных социальных практиках, способность к эффективному и добросовестному труду, способность к гуманным и толерантным отношениям.

Культура всегда была и будет инструментом позиционирования страны в мировой цивилизации. О каждом из нас в мире судят не только по нашим личным качествам, но и по имиджу, **бренду** нации и страны. **Мы из России, а это значит...** А это значит, что на Западе нас по-прежнему, вот уже через два десятка лет после развала СССР, встречают как представителей «империи зла». Авторы доклада Российского совета по внешней и оборонной политике «Облик России и российского бизнеса в западных средствах массовой информации», анализируя имидж России в конце 1990-х годов прошлого века, приходят к следующим выводам [1]. По их мнению, на тот период группа оптимистично и позитивно настроенных по отношению к России политиков и экспертов была незначительна.

Многие зарубежные партнеры были «склонны рассматривать Россию в виде «паршивой овцы в порядочном стаде», куда ее вынужденно взяли в надежде на перевоспитание» [2]. Это наше время.

А вот как оценивал ситуацию с нашей презентабельностью полтора столетия назад Ф.М. Достоевский: **«Нам во что бы ни стало и как можно скорее надо стать великой европейской державой.** Положим, мы и есть великая держава; но я только хочу сказать, что это нам слишком дорого стоит – гораздо дороже, чем другим великим державам, а это предурной признак. Так что даже оно как бы не натурально выходит... Разумеется, я желаю и по-прежнему продолжаю желать изо всех моих сил, чтобы драгоценные, твердые и самостоятельные начала, присущие народу русскому, существовали действительно... **Таким образом, и выходит у меня, что мы покамест всего только лепимся на нашей высоте великой державы, стараясь изо всех сил, чтобы не так скоро заметили это соседи.** В этом нам чрезвычайно может помочь всеобщее европейское невежество во всем, что касается России... То, что они не понимали в нас до сих пор, – в этом была наша великая сила. Но в том-то и дело, что теперь, увы, кажется, и они начинают нас понимать лучше прежнего; а это очень опасно... Все это намекает на долгую еще, может быть, печальную нашу уединенность в европейской семье народов; отвращение ее от нас как от чего-то противного, отчасти даже некоторый суеверный страх ее перед нами и – вечный, известный, давнишний приговор ее о нас: что мы вовсе не европейцы... Мы, разумеется, обижаемся и изо всех сил таращимся доказать, что мы европейцы...» [3]. Читая этот фрагмент дневников Достоевского, легко потерять ориентацию во времени. Как-будто остановилось время в наших Палестинах.

Новый виток российской модернизации – это развитие, возможное только на основании инновационного потенциала человеческого капитала, способного к поиску многообразных каналов эволюции цивилизации и выбору наилучших, улучшающих жизнь людей. Без соблюдения этого условия мы обречены на изнурительную и бесконечную догоняющую модернизацию, связанную с заимствованиями и копированием образцов западной практики. В модели инновационной модернизации политические приоритеты правительства России должны быть смещены в область наращивания мощи и качества человеческого капитала. Капитала, основанного на культуре, образованности и духовности. **Модернизация России в такой парадигме развития означает переход от политики «силовиков» к политике «мозговиков» и духовно ответственных людей.**

Вряд ли такое случится завтра, но без этого не произойдет нового пассионарного рывка. Это означает включение институтов образования, культуры, религии и семьи в инвестиционное поле производственной деятельности: здесь создается человеческий капитал. **Не армия, не спецслужбы, не правоохранительные органы, а школа, университет и научная лаборатория составляют приоритеты постиндустриального рывка России в новое измерение ее как великой державы.**

XX век для России был веком неслыханных испытаний и трагедий. Питирим Сорокин еще в 1922 году в статье «Современное состояние России» [4] отмечал системный урон, который был нанесен российскому обществу Первой мировой войной, Гражданской войной и массовой эмиграцией интеллектуальной элиты страны. Десятки миллионов погибших, умерших от болезней и голода, миллионы уехавших из страны. В стране фактически истреблены были аристократическая,

дворянская, духовная и купеческая предпринимательская культуры. До сих пор печальным эхом звучат прощальные гудки «философских пароходов» в опустевших навсегда залах многовековых храмов российской культуры. До сих пор бережат душу горечью невозможных потерь российской культуры, измученной и уничтоженной в сталинских лагерях. Стали тогда насильственно насаждаться образцы культуры социальных низов (пролетариата и неимущего крестьянства), неспособных к самостоятельному производству образцов высокой культуры. Мифологизировалась советской идеологией криминальная культура, выраженная образами «народных заступников» Разина и Пугачева (воров по определению имперской культуры России) и террористов-«бомбистов». Революция и Гражданская война были первым катастрофическим ударом по интеллектуальному потенциалу нации. Однако был и второй, и третий, и четвертый трагические уроны социального капитала в российской послереволюционной истории: массовые репрессии 30-х годов, тяжелейшая Великая Отечественная война, массовый отток специалистов высшего класса в 90-х годах XX века. **Россия в XX веке в большей степени не наращивала, а постоянно транжирила свой человеческий капитал, теряя способность к качественной инновационной созидательной деятельности.** Культура и ею составляющий человеческий капитал очень ранимы. Они очень трудно наращиваются, но легко растрачиваются. Потери человеческого капитала и в меньших, чем у нас масштабах, невозможны. Так, Германия навсегда потеряла лидирующие позиции в физике и генетике за счет эмиграции своих выдающихся ученых. Америка и Израиль, напротив, эффективно наращивают качество своего человеческого капитала за счет высококлассных эмигрантов. Есть такая возможность и у нас. Более 20 миллионов наших соотечественников хотят вернуться на свою историческую Родину. Хотят, но не могут. Всего-то и надо: выказать волю их принять, приветить и дать права гражданства без изнурительных административных походов.

Потери человеческого капитала для России огромны. Отъезд из России лучших умов снижает возможности ее к новому пассионарному взрыву, к обретению социальной устойчивости на качественно другом уровне. **Если лучшие дети России уезжают, то означает ли это, что «соль теряет силу»? Что же тогда способна родить такая земля?** [5]

Многолетние наблюдения над культурой российского обывателя позволяют сегодня сделать следующие выводы.

- Негуманные формы поведения за последние 15 лет не только не ослабли, напротив, они усиливаются. Растет пьянство, становясь массовой культурой на селе, в малых городах и поселениях. Сегодня насилие стало доминирующей формой межличностных коммуникаций. Оно стало массовым в семьях, на дорогах, в культуре (стоит ли здесь говорить о роли телевидения, создавшего привлекательные для молодежи мифологии вседозволенности и насилия как поведенческого стандарта «нового» российского героя), в быту и на производстве. Отчуждение как тяжелейшая социальная болезнь не ослабевает с провозглашением свобод и отказа от коммунистической деспотии. Просто новым Деспотом стала деспотия Бюрократии. Что же делать «маленькому человеку»? Пьянство. Потеря жизненных перспектив. Самоубийство. Особенно это касается детей: получение приличного образования для детей из низкостатусных семей, да еще из глухой провинции, стало практически невозможным.

- В России происходит интенсивное освоение и институционализация криминальной культуры. Не закон и мораль определяют поведение людей, а традиции обыденной практики, называемые на воровском языке «понятиями». Эти традиции воспроизводят вековечное обыденное право, мало корреспондирующее с нормами гражданского права. В России распространяется и героизируется субкультура криминального мира, зоны (незаметно, но мат, «феня» стали нормой общения, нормой «большой культуры» и политики). Нормы прав человека ослаблены, но сильны нормы общинной жизни.

Общество в этих условиях готово принять сильного человека, хозяина, вождя – спасителя страны и нации. Последние исследования дают доказательства мощным процессам сакрализации личности президента Путина в общественном сознании российского обывателя. Путин приобретает черты Спасителя нации, Борца за народное счастье, Предводителя в борьбе с мировым терроризмом (кто бы мне объяснил, чем эта мифологема отличается от коммунистической борьбы с мировым империализмом). Путин уже приобретает свойства наместника Бога. Он – Суверен. Не народ, как это записано в Конституции, – Путин. Народ же с легкостью отказывается от своих природных прав Суверена. Народ вновь привычно считает себя подданным. Обыватель уже давно стал считать демократию в России блефом, обманом и без сожаления отказался от норм демократических выборов, от прав «избираться и быть избранными». Поди изберись в губернаторы, если ты не угоден бюрократии. Впрочем, бюрократия не столь уж и примитивна. Она предложила демократический суррогат – «Общественную палату», назначив туда угодных ей интеллектуалов-образованцев (по Солженицыну).

Россия и далее будет, конечно же, называть себя демократической, но с обязательными прибавками по ее управляемости. Вопрос только в том, с какой силой будет осуществляться эта управляемость. И СССР формально был демократическим государством. Сравнения с СССР вполне уместны. Режим Путина все в большей степени определяется чертами реставрации советских порядков. Вот как об этом пишет Бжезинский в своей эпатажной статье «Московский Муссолини»: «Паразитическая и эгоцентрическая позиция московской политической элиты подавляет политическую демократизацию. Решения господина Путина пользуются популярностью у этой элиты, так как они соответствуют основным интересам властной верхушки, до сих пор испытывающей ностальгию по статусу великой империи, отождествляющей свое собственное благополучие с господством над всей Россией, и через Россию хотя бы над бывшими государствами Советского Союза... Государственный капитализм с центральным контролем, а также блага в виде богатства и поездок за границу – лучший рецепт как для самоудовлетворения, так и для националистических притязаний» [6].

Эти порядки режима Путина в главном восстанавливают антигуманную атмосферу культуры человека – «политического винтика» [7]. Резко сужена область политического выбора, власть в стране узурпирована Бюрократией сформировавшегося клана Путина. Оппозиция просто загнана в места ее традиционного обитания – на кухню. СМИ выражают только «правильную» точку зрения, принадлежащую Вождю и его партии. Суды вновь становятся декоративными украшениями государственной машины деспотии правящего класса и подавления прав человека. Вот, к примеру, банальное сообщение в Интернете [8]. **«Вчера закончилось следствие по делу о наезде Александра**

Иванова, сына вице-премьера российского правительства, министра обороны РФ Сергея Иванова, на 68-летнюю москвичку Светлану Беридзе, которая от полученных травм скончалась на месте. Дело закрыли за отсутствием состава преступления в действиях водителя». Кто бы в России сомневался в таком исходе дела...

• Взятничество стало обыденным правилом взаимодействия с представителями власти. От милиционера-гаишника до высших чиновников, ставших особым классом, приватизировавшим государство. Организация «Transparency International» в своем списке стран, где есть коррупция, поставила Россию на 126-е место. Занять такое место в списке, в котором значатся в общей сложности 158 стран, – это удар по режиму Путина и его печально свернутой административной реформе. В 1996 году, когда Ельцин купил свое переизбрание у пресловутых олигархов, Россия занимала в этом списке еще 47-е место. Тем временем она скатывается стремительно вниз: на 36 мест только за последний год. Призывы Путина бороться с коррупцией были, по словам составителей доклада, простой риторикой. «Ни одна из реформ, направленных против коррупции, не достигла хоть какой-то цели». Наоборот, постоянный демонтаж свобод в экономике и в средствах массовой информации способствует еще большей коррупции. Начиная с 2001 года требования чиновников возросли, согласно исследованию фонда ИНДЕМ, в 13 раз. Давать в различных государственных учреждениях взятки сегодня вынужден уже каждый второй россиянин. Другой фонд, «Общественное мнение», изучил положение дел в сфере автомобильного сообщения. Вот факт нашей социальной обыденности: 55 % всех водителей всегда имеют при себе деньги для взяток милиции. В России развивается и закрепляется мозаичный (по А. Молю), негуманистический тип культуры, основанный на мнениях, но не на знаниях. Мозаичность культуры – это внушаемость, манипулируемость и мифологичность сознания и иррациональность поведения. Мозаичная культура – это способность верить мистификациям, демагогии и лжи. Но это и умение создавать эффективные симулякры (по Бодрийяру).

• Россия всегда была сильна в условиях идеологических мобилизаций. Россия всегда была беременна идеями. Этот мучительный социальный токсикоз не изжит. Он продолжается и сегодня в поисках «национальной идеи», в обретении новой имперской позиции, в оформлении своей национальной идентичности, проявляемой чаще всего в примитивном антисемитизме, антиамериканизме, в нелюбви к «лицам кавказской национальности» и желании «мочить их» в местах общего пользования. Догнать Португалию и удвоить ВВП не греет душу великоросса-доктринера. «Почему мы такая дрянь? Великого нет ничего...». Это Достоевский. В этой культуре шансов на обретение гражданского достоинства, основанного на понимании и осознании своего собственного интереса, нет. Ведь гражданин – это тот, кто способен свое мнение возвысить до мнения народа. Но это мнение не всегда есть мнение президента или его партии. В культуре «негражданственности» всегда есть риск появления яркого харизматического демагога, способного манипулировать общественным мнением и управлять массами, склонными к догматическому мифотворчеству и мечтающими о возврате «утраченного рая». Парад фашистов в Москве 4 ноября – это один из сигналов такой опасности [9].

• В России доминируют ценности утилитаризма и экономического детерминизма, зависимости человека от внешних обстоятельств: он по-прежнему

не субъект, а объект политики. Он все еще надеется на помощь доброго Царя, Вождя или Президента. Для российского обывателя либеральная перспектива непривлекательна. Либеральные партии рано или поздно станут в России партиями маргинальными.

• В России доминируют ценности атеистического мира, в котором человек является творцом Бога, хозяином Природы. В этом мире оправдан аморализм: если нормы нравственности созданы человеком, а не учреждены Создателем, то они людьми же конструируются и делаются удобными для них, оправдывая любую мерзость. Абсолютные критерии нравственности дает только религия. Человек может быть верующим или не верующим, – это дело его совести, но если человек не признает вечность и нерушимость норм нравственности – он становится социально опасным, он становится Нечеловеком, выпадая из общечеловеческого пространства, из мира Людей.

Приведенные оценки – это следствие презрения властей, как Российской империи, так и советских и постсоветских, к народу, к системам образования, науки и культуры. Эти системы, отвечающие в обществе за производство человеческого капитала, всегда были и есть вторичными, остаточными в России. Образованный и умный, но нищий и недовольный властью народ, всегда представляет угрозу для власти. Вот и получает народ суррогаты невостребуемого и некачественного образования. Вот и не являлись и не являются в России человеческие качества стратегическими ресурсами. **Власти нужен народ с отморозенной душой и отбитыми мозгами. Таким народом проще управлять.**

Социолог, изучая сложнейшие явления социальной жизни, создает средства влияния на общественное мнение, средства формирования социальных позиций, установок, оценок. Естественен вопрос о том, кем и в каких интересах используются эти ресурсы. Способствуют ли они социологическому просвещению или используются в целях корыстных и корпоративных манипуляций? Социолог обязан быть ответственным деятелем. Блистательным образцом социологической ответственности и гражданственности является, к примеру, Карл Поппер. Однажды он заметил, рассуждая о гражданской позиции социолога: *«действуй скорее для устранения конкретного зла, чем для реализации абстрактного добра. Стремись скорее уничтожить конкретные страдания. Не позволяй, чтобы твои мечты о прекрасном мире уводили тебя от требований людей, страдающих сегодня рядом с тобой. Человеческое страдание – самая острая проблема рациональной социальной политики, в то время как счастье такой проблемой не является»* [10]. Если оценивать нашу социологическую культуру с позиций попперовского императива, то надо признать, что за последнее время стали проявлять себя следующие черты профессиональной деятельности.

Речь идет, *во-первых*, о социологическом сервиллизме. Только сожаления достоин тот факт, что социологи в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами исполняют губернские обслуживающие функции. Эта схема взаимодействия сводится к следующему правилу. Если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, то он вынужден будет выслушать упреки в бессмысленности такой социологии. Задача сводится не к построению моделей для понимания социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властной структуры.

Во-вторых, в социологической науке доминирующими темами становятся темы, связанные с оправданием сложившегося в России социального уклада. Это темы изучения элит и элитарного детерминизма в жизни страны. Вспомните, какой всплеск энтузиазма сервиллисты продемонстрировали, обсуждая тему «преемника Самого» в 2008 году. Стыдно, но никто не устыдился такой постановки вопроса. Оно понятно. Вопрос о суверенности народа уже снят с повестки дня. Не так ли?

Темы предпринимательства и жизни российской буржуазии – это одна из центральных тем социологии. Конечно, это очень важные предметные социальные поля. Плохо то, что темы, касающиеся повседневной жизни и работы широчайших масс простого российского народа, стали, за редким исключением, неинтересными нашей социологии. Из социологии просто исчезли такие общности, как рабочие, крестьяне, врачи и учителя, составляющие маргинализирующую часть российской «новой» интеллигенции. Социологи не считают престижными занятия, связанные с изучением природы социального неравенства в России. Табуированной является тема по истории и последствиям приватизации в России. Почти ничего нет в социологической литературе по проблемам причин региональных различий, криминализации общества, отчуждения человека, произвола правящих, так называемых элит бюрократии и народившейся новой российской буржуазии, аномии и утрате обществом качеств пассионарности.

Власти не слышали немногих, как правило, алармистски настроенных социологов, высказывающих честные и нелицеприятные оценки. Люди же просто не понимают, что происходит в их стране и почему они живут так плохо. Хотя, по данным официальной и по-прежнему лукавой статистики, их жизнь неуклонно улучшается изо дня в день.

Политическая элита призвала на службу сервиллистскую социологию парадного гуманизма. Непарадная социология гуманизма все в большей степени уходит в «пещеры».

Литература и примечания

1. Стратегия для России: 10 лет. – М.: Изд. СВОП. 1998. – С. 207.
2. Там же.
3. Ф.М. Достоевский. Дневник писателя. – М.: «Современник», 1989. – С. 69–70.
4. «Новый мир», № 7, 1992.
5. На этот вопрос дает ответ результат последнего (2003 года) тестирования школьников России по международной программе PISA. Ответ крайне тревожный и неприятный. PISA – это система тестов ОЭСР для проверки математических, естественно-научных знаний, а также навыков чтения у 15-летних подростков. Она проводится уже во второй раз. Предыдущий раунд был в 2000 году. Тогда PISA проверяла преимущественно чтение. Раунд 2003 года был посвящен математике. И в том и в другом случае результаты для России были неутешительные: наша страна оказалась в нижней трети списка. В мировом параде эффективности школьного образования мы оказались на 29-м месте из 41 участника. Нас обошли как страны Европы, так и страны Восточной Азии.
6. The Wall Street Journal, 04.11.2004.

7. Однако становятся заметными и охлаждения отношения российского обывателя к Путину. Вот результат ноябрьского (2005 года) опроса «Левада-центра»: «Если год назад президента поддерживали 84 процента россиян, и только 14% считали его работу неудовлетворительной, то сейчас уже 28% заявили, что не одобряют политику Путина. 69% по-прежнему считают его действия правильными».

8. Рамблер, 22 ноября 2005.

9. Это событие, как и трагические события в Воронеже, в Санкт-Петербурге уже стали репрезентативными социальными фактами. Так, «Левада-центр» в ноябре 2005 года оценил долю тех, кто считает правомерным утверждение «Россия для русских». Ее полностью поддерживают 16%, а еще 37% высказываются за то, что «ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах».

10. K. Popper. N dza historyczmu. – Warszawa, 1989. – S. 44.

The article considers the problem of development of culture and social capital in the process of modernization of Russia in the post-industrial period. The model of extensive development should be replaced by the model of qualitative change of social life which will not be connected with utilization of raw materials and energy in the economic sphere. Human capital is regarded as the only unlimited resource which is capable of producing innovations.